

БРАТЬЯ
ПО
КРОВИ

БРАТЬЯ ПО КРОВИ

**Издание
Аргентинско-Русского Антикоммунистического
Института Культуры**

**Б у э н о с — А й р е с
1 9 5 8**

“ H E R M A N O S D E S A N G R E ”

Printed in Argentine. — Queda hecho el depósito legal.

Эта книга посвящается памяти тех
Венгров и Русских, которые во время
венгерской революции плечом к
плечу сражались и умирали за свободу
Венгрии и России и всех
страдающих под советским игом
стран.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обращенная ко мне, как к б. редактору газеты «За Правду», просьба составителей предлагающего ниже Сборника — предпослать ему несколько слов в виде вступления — представлялась мне не только большой честью, но и нелегко исполнимой задачей, как чрезвычайно трудно осуществимой казалась мне и сама затея составления русско-венгерского сборника. Действительно, как найти в условиях современности, да еще в разгаре кровавых событий, при не ослабевающем терроре коммунистических тиранов, тот верный тон, который смог бы совершить почти чудо — заставить забыть обиды далекого прошлого; правильно понять, что и беды современности вовсе не должны звать к ненависти и вражде между народами; в эпоху все растущей ненависти к России и русским разобраться в том, что народ и терроризирующая его власть далеко не одно и то же.

И казалось мне, что дело, за которое взялись составители Сборника, останется в лучшем случае непонятым, в худшем же — вызовет лишь обвинения в полнейшей иллюзорности. При этих обстоятельствах мне думалось, что и мое предисловие окажется и фальшивым и ненужным.

Но вот, ознакомившись с содержанием этой маленькой книжки, которая выходит ныне в свет

под многоговорящим названием «Братья по крови», я совершенно потерял страх за ее судьбу. Передо мной в чрезвычайно скучных и сжатых страницах развернулась величавая картина подлинной красоты и правды. Дети той Вечной России, в которую принято теперь повсеместно бросать одни лишь камни, выведены на страницах Сборника тем, чем они в действительности были и чем остаются — людьми сильных и прекрасных порывов, борцами за неоскудевающую правду народную, покровителями всего того, что стремится к свободе. А дети той христианской Венгрии, которые своей любовью к свободе, своей беззаветной храбростью и своим глубоким патриотизмом вписали как бы золотыми буквами славные дела свои в страницы мировой истории, оказались еще певцами страдания, сумевшими не только воспеть собственные мытарства, но и понять всю глубину страдания того русского человека, который должен был предстать перед ними в виде палача, а предстал в виде друга и соратника.

Если кто внимательно вникнет в содержание Сборника и в особенности даст себе труд вдуматься в смысл прекрасных, таких глубоко трагических и вместе с тем подлинно человечных стихотворений венгерских молодых поэтов-заключенных, которые предлагаются русскому читателю в замечательном переложении нашей поэтессы М. Шелеховой-Бенке, — тот увидит, что на страницах Сборника кровью сердца написана потрясающая правда современности, превышающая все узко национальное и выводящая нас всех на вселенские просторы духовно преображающегося человечества.

Пусть еще царит глубокая ночь на безбреж-

ных просторах России, Венгрии и других порабощенных коммунистической тиранией стран. Пусть, к беспредельному позору свободного человечества, все еще льются кровь и моря слез от безысходной скорби сотен миллионов людей чуть ли ни одной четвертой части земного шара. Но факт остается фактом. В невыносимых страданиях выковывается новый тип человека, духовно преображенного, закаленного в бедах, всем своим существом стремящегося к правде, верного в дружбе и при всей любви к своей родине умевшего воздать должное и своему национальному и своему же всечеловеческому.

«Братья по крови» — венгры и русские — первые свидетели этого тяжелого, трагического, но и великого пути от тьмы к свету.

И об этом-то нам и рассказали составители нынешнего маленьского по размерам, но великого по содержанию Сборника. И только духовно слепые люди или открытые враги духовного возрождения человечества встретят появление этой книжки без того духовного трепета, который естественно овладевает каждым ее читателем, если у него не оглохли уши, чтобы слышать, и не ослепли очи, чтобы видеть извечную и святую Правду.

А. Ставровский

МАРИЯ ШЕЛЕХОВА-БЕНКЕ

БРАТЬЯ ПО КРОВИ

В нас много общего: и жар души мятежной,
И кровь кочевников, и песни красота,
И нрав изменчивый, и степи ширь безбрежной,
И о распятой в муках родине мечта.

В нас много общего: давно ли наши братья —
Герои-юноши, кадеты-юнкера
Спасти пытались нас от красного проклятья,
Прошли года... Но, мнится, было то вчера...

Порыв их доблестный подавлен был бездушно...
Что значит горсточка сраженных за мечту?
Наш век безжалостный, Молоху лишь послушный
Гирляндой фраз скрывает зло и пустоту.

Все повторяется на этом дряхлом свете;
Мир не меняется — вновь торжествует тьма:
В борьбе с насильником погибли наши дети,
Живым награда: иль изгнанье, иль тюрьма...

Нам остается лишь над общею могилой
Героев-юношей, скорбя, чело склонить,
И верить, что их дух воскреснет с новой силой,
И на борьбу других героев вдохновит.

Э Т О — И С Т И Н А !

В жизни каждого человека, как и в жизни каждого народа, есть момент когда лишение свободы заставляет его открыто восстать.

И в Европе, где много стран тысячелетней культуры порабощено коммунизмом, есть народ, который многое уже перенес за века своего существования, народ, который много падал и всегда поднимался и который теперь своим героическим восстанием против притеснителей дал потрясающий урок всему миру. Этот народ — венгры! Венгрия — родина Св. Стефана, оплот Европы против нашествия варваров и живой святительник христианской веры, своим октябрьским восстанием бросила призыв к борьбе.

И этот призыв к борьбе за свободу проник сквозь железный занавес, превратив в союзников вчерашних врагов — офицеров и солдат советской армии. На страницах этой книги говорится о героизме и жертвенности венгерского народа и о том, что главная помощь в нашей борьбе против мирового коммунизма придет из самого Советского Союза... Россия — не СССР, а Рос-

сия Св. Владимира и Александра Невского — протянула руку помощи венгерскому народу в кровавые дни октября 1956 года. И эта Россия сражалась и умирала наряду с венгерскими бойцами, потому что в русском сердце живет то же желание освободиться от красных насильников и сбросить с себя оковы коммунистического террора.

Альберто-Даниэль Фалерони

Делегат от Аргентины при
Интернациональной федерации
защиты Континента.

МОЗАИКА ВЕНГЕРСКОЙ БОРЬБЫ

Двадцать третьего октября 1956 г. венгерский народ начал борьбу за освобождение своей родины.

Это не были фашисты, как кричал по радио советский наймит Гэрэз, или реакционеры, как уверяли всех коммунисты, но студенты пролетарского происхождения, воспитанные в коммунистической школе, которым режим не дал никаких истинно национальных основ.

Эта молодежь видела день за днем растущую нужду своих родителей и, наряду с этим, чрезмерную роскошь, которой окружали себя члены компартии и чиновники А. В. Х. (тайной полиции).

В то же время рабочие не пользовались никакой свободой, живя в постоянном страхе, что несчью перед их домом остановится «черный ворон» (автомобиль полиции А. В. Х.). чтобы забрать их и их семьи в Пушту Хортобачи, на каторжный, рабский труд. И за что? — за неосторожное слово, по лживому доносу, или просто по личной антипатии какого-нибудь члена компартии.

И в это трудное время литература, которая была всегда голосом совести народа, не изменила тысячелетней традиции. Так например, благодаря смелым протестам некоторых писателей, бы-

ли сняты минные заграждения и ряды колючей проволоки на границе с Австрией.

И вдруг вспыхнуло Познаньское восстание, иска-ра которого перескошила границу и воспламенила души сегедских студентов. Они целиком вышли из комсомола и основали свою собственную организацию. Затем они предъявили правительству свои требования, заключавшиеся в 16 пунктах, главные из которых были следующие: оставление венгерской территории советскими войска-ми; свобода выборов; прекращение вывоза урания; контроль внешней торговли Венгрии и СССР; возвращение на родину вывезенных силой венг-ров; прекращение эксплуатации крестьян невы-полнимыми нормами.

23-го октября молодежь двинулась по улицам Будапешта в полном порядке. Тот, кто видел этот людской поток, никогда не забудет этого зрелища: среди осени, повеяло весной. Потом от-делилась одна группа, которая отправилась сбра-сывать статую Сталина. Так как фундамент не поддавался даже натиску грузовика, то пришли на помощь рабочие из Чепеля, подпилившие на-пильниками ноги гиганта и стянувшие потом стальными канатами статую вниз. Когда она рух-нула, на ее месте был водружен венгерский флаг и герб.

В то время, как на улицах шли мирные демон-страции, одна из групп направилась на радио-станцию, чтобы огласить вышеупомянутые 16 пунктов. Один из чиновников А. В. Х. преградил этой группе вход в здание и, видя, что она не отступает, приказал часовому стрелять. Солдат отказался поднять оружие на беззащитных лю-дей, его соотечественников, и тогда агент его за-стрелил. После этого толпа растерзала его в клоч-

ки. Тогда ищечки А. В. Х. из своего убежища стали бросать бомбы в народ. И только когда манифестанты увидели убитых женщин и детей, они взялись за оружие. Из Чепеля прибыли на грузовиках тысячи рабочих, открывших по дороге военные склады. Бои продолжались 6 дней. 20% венгерских воинских частей остались нейтральными; маленькая часть сперва стреляла в толпу, но подавляющее большинство военных сейчас же перешло на сторону восставших. То же сделала и полиция, и только ненавистная А. В. Х. жестоко расправлялась с борцами за свободу.

На второй день 24-го октября я был свидетелем события полного значения: перед гостиницей «Астория» 8 советских танков готовились открыть огонь по манифестантам, которые наступали с криками: «Советы домой! Долой Гэрэз!» Один студент, говоривший по-русски, подбежал к танкам и объяснил офицеру, что они не фашисты, а народ, что они не противники русских и что они борются против общего врага — большевиков. И случилось чудо! Русские офицеры и солдаты спустились с танков, бросили оружие, а один из них прикрепил венгерский флаг на дуло винтовки. Потом они обнимались с венграми и передали им танки. Затем все вместе, — русские и венгры, — с танками, украшенными цветами и венгерскими флагами, двинулись на площадь перед парламентом, где в 11 часов утра А. В. Х. открыла жестокий огонь по венгерским манифестантам и по присоединившимся к ним русским. Площадь была усеяна трупами, и тогда русские танки открыли огонь, сметая с крыши парламента пулеметы тойной полиции.

Шесть дней длилась борьба и за эти шесть

дней героизм борцов затмил подвиги второй мировой войны. И при этом в городе, переполненном товарами и казнью, царил образцовый порядок при полном отсутствии грабежей. Население отлично понимало, что все это добро — свое — народное, что это достояние новой, свободной Венгрии.

Старые и молодые, рабочие и ученые, крестьяне — все, как братья, обнимались на улицах. Все чувствовали себя людьми свободными в своем отечестве. Народ — богатый в своей нищете: крестьяни, который приводит своих двух единственных овец, украсив их национальными флагами, и отдает народу, отдает сам, без требования, как личный дар, как приношение на алтарь отечества; школьник, который отдает свои последние два флорина на помощь вдовам и сиротам павших в боях за свободу. И таких примеров можно привести тысячи.

Можно, действительно, с гордостью сказать, что венгерская нация выдержала бой, который мог не только переменить положение вещей в Европе, но и во всем мире.

И современные политики будут строго осуждены историей за то, что они не сумели использовать этой возможности, чтобы избежать международной катастрофы, последствий которой невозможно предугадать.

Т. Т.

КАК ВОЗНИКЛА ЛИТЕРАТУРА ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Невозможно приступить к изданию этой книги, не возвращаясь мысленно к местам, где родилась эта поэма.

Сознание глубокой правоты наших убеждений не оставляло нас и в тюрьмах и помогало нам переносить пытки, заключение, холод и голод. Порой нами овладевал страх, порой мы были разбиты душевно и физически после бессонных ночей, или после бесконечного стояния лицом к стенке до потери сознания; доходили до того, что мы начинали сомневаться во всем, даже в том, что мы физически еще существуем...

Как нам памятны голые стены, гул шагов тюремщика в коридорах, скрип ключа в замке — вся обстановка, в которой рождались эти стихи; но только теперь, когда они напечатаны на белой бумаге, теперь когда мы их перечитываем еще раз, мы понимаем, что вся эта книга, это — возвращение к жизни из небытия.

Кошмарный сон в часы рассвета, когда, пробуждаясь внезапно от озноба и холодного пота или дрожа от лихорадки, с горьким вкусом во рту, с ужасом всматриваешься в окружающую тьму — что со мной? — Где я?

И ужас в том, что действительность страшнее самого кошмарного сна: заключены не только мы

и наши товарищи по несчастью — вся страна находится в заключении!

И сегодня, находясь еще между сном и действительностью, мы хотим этим сборником поведать всему миру о наших переживаниях. Этот “Füveskert”— «Цветущий Сад» — только частица «Баллад тюремы», и далеко не все стихи, в ней написанные, м. б. более талантливые чем наши, в него вошли.

Критиков не будет интересовать была ли написана эта поэма в копиях Рэчка, или в бараках для высылаемых в Хортобачи, за забитыми жестью окнами тюрьмы Ваца, или в глубине шахт Чепеля, обрызком карандаша, спрятанным в рту. Все равно. Наше поколение любило литературу и стремилось возвысить свой дух в тюрьмах и ссылках.

Когда волны террора бросили в заключение десятки тысяч новых жертв, в нас уже произошло духовное возрождение. Мы встретили их как братьев; мы чествовали — как чествуют избранных — заключенного, который знал 24 английских стихотворения, другого — знавшего 30 немецких стихов или того, который прочел 7 итальянских поэм.

Будучи лишены книг и изолированы от всего света, мы были готовы изучать что-бы то ни было, чтобы сохранить духовное равновесие. Как выяснилось потом, почти все мы начали с поэм. Кроме того, мы учились один у другого всему, чему могли: химическим формулам, китайской грамоте, орнитологии и коммерческой математике. Годами мы не видели ни книг, ни бумаги, ни пера. Годами мы были изолированы в камерах, без малейшей возможности читать или работать.

Вид бумажки с рекламой зубной пасты вызывал у нас слезы на глазах.

Мы сидели в тюрьме Ваца, отdetые в лохмотья, худые, как скелеты, с испорченными от недостатка витаминов зубами и с распухшими от голодовки животами, и все же у нас в ушах звучала, как шум раковины моря, музыка, от “Parlez - moi d’amour” до поэм Бэрсени, от “J’attendrai” до поэм Гете.

Но потом, в этой бездне, в этом «ничто» наступал другой период, период равнодушия ко всему: беспрерывные казни, наказания, пытки, потеря товарищей приближали и делали реальной ожидающую нас смерть. Но ужас был в том, что у нас хотели отнять чувство жизни! Да и стоило ли родиться и жить, чтобы обратиться в абсолютно бесправное существо!

Слова поэта Андреа Шенье — “Et toi, vertue, pleure si je meurs” — показали нам, как он был счастлив! Он из своего заключения мог писать, жаловаться, апеллировать... нам это не было дано.

Убийственный режим делался все строже. Запрещена переписка, посещения, пакеты. Цинизм тайной полиции и отрезанность от всех кого мы тогда упрекали в равнодушии — создавали полное душевное одиночество, чувство заброшенности и забытости всеми.

Иногда мы меняли место заключения — нас переводили в другую тюрьму. Новые допросы, новый процесс, и, если все это переносилось, — новая камера. Мы считали дни и недели в надежде сократить жуткие сроки — пятнадцать, двадцать лет... Мы ждали помощи от американцев... Мы надеялись, что Европа пробудится...

Мы ждали от осени до весны, и от весны до осени все того же: — свободы.

Мы были способны на все, чтобы получить известие из внешнего мира. Иногда удавалось в куче мусора найти клочок газеты, и на этом отрывке мы строили самые фантастические предположения и надежды.

Однажды я был на этом пойман. Меня взяли в «штрафную». Это было в декабре, шел снег, был сильный мороз. С меня сняли всю одежду и оставили там на ночь — «сдыхай». Я начал двигаться, прыгать, танцевать, зная, что в моем состоянии истощения я не должен уснуть: — это означало смерть. Я не мог долго прыгать. Через несколько часов я потерял сознание. Мне повезло, — меня взяли в лазарет. По принципу, официально объявленному А. В. Х., в тюремной больнице не следует вылечивать заключенных, надо их делать лишь снова «годными для страданий». Мало кто из больных сохранил эту «пригодность» для страданий.

Часто ставилась щирма у кровати агонизирующего. В первую ночь я еще не вполне пришел в себя и, услышав игру на скрипке, подумал, что брежу. Только на второй или на третий день я узнал, что это была за музыка: когда тушили электричество, с одной из коек поднималась призрачная фигурка и двигалась, как будто плывя по воздуху, по направлению к ширме. Это он — карлик, фабрикант скрипок. Из кусочков дерева и проволки смастерил он себе инструмент, и на этой скрипке играл для умирающих. На это стража смотрела сквозь пальцы, но однажды ночью пришел новый тюремщик и сломал скрипку. Карлик рыдал и вскрыл себе вены. Но сде-

...лал он это неумело. Они подлечили его тело и сделали его снова «годным для страданий»!

В 1953 году, после речи Имрэ Надь, террор значительно уменьшился. Прекратился голод, и нам позволили выходить на работу. Эта новая эра открыла нам путь в шахты. Правда, путь этот проходил между двумя рядами колючей проволки, но все же нам была дана возможность двигаться и разговаривать, хотя и нелегально, со свободными людьми. Мы даже не давали себе отчета в плохом состоянии шахт, в угрозе обвала, в опасности испарения газов. Что касается мышей, — то они просто были любезны, ожидая, что мы им бросим корочку хлеба. И вот, перед этими мышами впервые мы себя почувствовали снова людьми. Тяжелый физический труд и непосильные задания, фактически не оставляли нам много сил для духовной жизни. И все же шахты явились источником больших духовных переживаний.

Шахтеры, подготовленные в специальных школах, встретили «аристократов», «фашистов», «генералов», «капиталистов» и «эксплуататоров» в штыки. Между нами было воздвигнуто духовное проволочное заграждение. Но не прошло и нескольких недель, как рабочие раскрыли обман. Они обнаружили среди нас учителя народной школы, профессора, ремесленника, молодых землепашцев и рабочих, которые вместо школы, были посланы в тюрьму и шахты; обнаружили лавочника, который обслуживал свою деревню, пока его не ограбили; сапожника, истинного мастера своей профессии, попавшего в заключение за упоминание о своей конфискованной мастерской; обнаружили студентов, которые могли бы

быть докторами или инженерами и вместо этого — безропотно добывали уголь...

Шахтеры обнаружили в нас людей, своих страждущих братьев, и с тех пор шахта перестала быть для нас наказанием. Там, в глубине рудников, родилось новое венгерское общество без классовых различий, и это единство вознаградило нас за все. То, что дали нам шахты, было для нас более ценно, чем всемирная слава или премия Нобеля. Там, впервые, зародился под землей порыв к борьбе за свободу. Кто-то, в слабом круге света лампы начал читать поэмы, и рабочие слушали их, понимая впервые, что самая возвышенная действительность жизни — это — поэзия.

К нашим поэтическим занятиям прибавилось теперь новое задание: поделиться с нашими слушателями тем, что мы накопили в заключении.

Когда в 1954 г. меня из шахт послали снова в каземат Ваца, случайность судьбы столкнула меня с другими любителями поэзии. Каким облегчением были нам эти «литературные вылазки»: украдкой, в часы работы, переброситься строкой или фразой. Ночные разговоры и прения в общей камере... Мы хотели вознаградить себя за потерянное время. На грязных клочках бумаги писали мы стихи, свои и иностранные, крадя бумагу и карандаш, крадя минуты времени. Это был настоящий заговор, нелегальный во всех своих подробностях.

Я получал эти манускрипты и, скорчившись на сенинке, корректировал и собирая их в единое целое. А у дверей, чередуясь, несли стражу мои товарищи по заключению, готовые дать сигнал в случае опасности. Один раз так была уни-

тожена уже почти готовая рукопись, результат многих месяцев работы.

Первый сборник был закончен в четверть года, и успех его вознаградил нас за все трудности и препятствия.

Энтузиазм молодежи, интерес, вызванный этим сборником, застенчивые предложения новых сотрудников, — придали нам силы продолжать начатое дело. Мы издали в тюрьме три антологии стихов, одну за другой. Они содержали поэмы всемирной литературы, — которые нам удалось достать — когда это было возможно, в оригинале и в переводе на венгерский язык. В общей сложности, до выхода на свободу, мы издали 12 сборников. К сожалению, удалось спасти и взять с собою только три из них.

В этих сборниках мы касались наших праздников и наших литературных годовщин. Так мы отметили день смерти Дежо Сабо, Аттилы Иозефа, Шиллера и Кита. Мы делали специальные выпуски к Рождеству и Пасхе, к празднику св. Стефана, с рисунками и нотами, мелодии которых мы еле слышно напевали по ночам.

Во время славных дней борьбы за свободу и героической революции, на улицах Будапешта и в каждом селе Венгрии свершилось то же чудо, которое мы познали в тюрьме: сверхчеловеческое чудо единения, прощения и любви. В удручающей атмосфере террора вся страна испытывала то же, что и мы, заключенные, и, только переступив порог тюрьмы, мы поняли это.

Пусть же этот сборник, изданный в чужой земле, вместо надгробного камня, воздвигнет вечный, нерукотворный памятник нашим погибшим братьям и герою поэту Аттила Герес, который хотел исчезнуть и раствориться, и между тем

сияет, как отраженный в море блеск звезды... И слава “Füveskert”— «Цветущего Сада» не окончается с борьбой за свободу. Мы — молодежь — познали друг друга в бараках и убежищах и в студенческих приютах, которые уже не камеры заключения, а ячейки будущей жизни. Наш улей готов и неожиданно из всех стран мира, к нам доходит нарстающий рокот музыки стихов. Тогда мы этого не предвидели, и в сущности — чего мы ждали, чего хотели мы тогда для наших рукописных изданий?... Мы не ждали многоного и все же немного надеялись на бессмертие. Почему? Потому, что наше создание было бессмертное слово.

Мы думали, пусть эти строчки обойдут все камеры, пусть каждый перепишет себе то, что хочет, и потом вернет нам, чтобы мы их надежно спрятали. Спрятали под водопроводом (но так, чтобы вода их не испортила) или в трубе (но так, чтобы они не пострадали от огня).

Пусть же те, кто разрушит эти стены, найдут эти рукописи и восхликают в восторге: «Здесь жили поэты и эти стены защищали Европу!»

Вена, 23 октября 1957 г.

Т. Барцаи.

СТИХИ ВЕНГРОВ, НАПИСАННЫЕ В ТЕМНИЦЕ

Избранные произведения из сборника 'Füveskert' («Цветущий сад») в вольном переводе Марии Шелеховой-Бенке. Этот сборник уже вышел в свет в немецком переводе и появится на многих других языках.

Краткие биографии венгерских поэтов

ТИБОР ТОЛЛАШ — от 1947 - 1956 г. г. в тюрьме Ваца. Вина: свидетельствовал в пользу друга, политического заключенного. Выпущен на свободу в июне 1956 г. Принимал активное участие в революции октября 1956 г. После подавления восстания был преследуем и бежал за границу.

ГАБОР КОЧИШ — Родился в 1932 г. Был исключен из университета, как «классовый враг». Послан на работу в угольные шахты. Сражался во время восстания октября 1956 г. Смог скрыться за границу.

ГЕОРГ ДЬЮЛА — Родился в 1932 г. Был студентом и писал подпольные антикоммунистические стихи. После подавления восстания октября 1956 г., в котором принимал участие, перешел границу.

ЯНОШ ХЭГЭДЮШ — Родился в 1936 г. Студент, подвергся преследованию за политическую деятельность. Теперь продолжает учение за границей.

«С» — студент, был арестован красными вместе со своей невестой, которая была расстреляна на его глазах. Был на принудительных работах в концентрационном лагере. Освобожден во время революции и потом исчез.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

1

Если-б был я потоком

Если-б был я потоком реки
Были-б горести мне далеки —
Опоясала-б лес и луга
Моих вод голубая дуга.

2

Весенний ветер

Ветер весенний волну подгоняет —
Ах, ты цветочек мой, ах, мой цветок!
Птичка подругу в кустах призывает,
Ах, ты цветочек мой, ах, мой цветок!
Где ты? Скажи? Тебя жду я, тоскуя!
Ах, ты цветочек мой, ах, мой цветок!
Будь же мне тем, чем тебе быть хочу я,
Ах, ты цветочек мой, ах, мой цветок!

В путь — дорогу ухожу я

В путь — дорогу ухожу я,
 Ухожу я в путь далекий,
 А из пыли придорожной
 Плащ я странничий сотку.
 Из тоски совью завязки,
 Из тоски и слез горючих,
 Из кручины и печали
 Я завязочки совью.

Песня о колыбели

Ты мое утешенье, моя колыбель,
 И ты, няня, что в детстве ласкала меня —
 О, ты, Венгрия! Родина — мать!
 Разделила нас времени злая рука,
 Скачет рядом со мною разлука — тоска —
 О, ты, Венгрия! Родина — мать!
 Твоих вод серебрящихся шопот и плеск,
 Твоих темных лесов благодатная тень,
 И полей золотящихся солнечный блеск,
 И подковы знакомый мне след —
 Знаю я — не увидеть мне вновь никогда,
 О, ты, Венгрия! Родина — мать!

АЛЕКСАНДР ПЕТЕФИ

Строки из песни-присяги 1848 г.

Мадьяры! День настал! Нас родина зовет!
Теперь иль никогда! Без трепета, вперед!
— Свободный или раб! — нам выбор дан судьбой,
Спасение близко и машет нам рукой!
Тобою, Бог Мадьяр, клянемся, как один!
И правом присягнем — Господь наш Властелин!
Итак мы поклялись! Да сгинет рабства гнет!
За наш свободный край! За родину! Вперед!

ЭНДРЕ АДИ

Быть человеком в час бесчеловечный

Ружейный приклад раздробил мое сердце,
И взор мой расширенный ужас наполнил,
Сжал гордую шею мне джин молчаливый,
Безумье ударило молотом в мозг.
Взметнись-же во мне моя прежная сила,
Кошмары стряхни с плечей богатырских —
Толь в мраке кромешном, толь вместе с зарею,
Из праха восстань так, как в давние годы!
Прекраснее дать ничего нам не могут:
Ни неба красоты, ни ада глубины,
Как прелесть сознания быть человеком
В наш век озверелый и венгром остаться.
В стране угнетенной, но с пламенным духом
Упорным борцом за свободу и право!

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ

«Х»

Октябрь 1956

Призывы труб, как рокот водопада,
Уже гремят, о стены Вавилона,
Взываю к нам: — О, рухните! Падите! —

Как в светлый день паденья Иерихона,
В день октября кровавый двадцать третий:
— Свершись, о чудо! — к небу мы взываем:
— Рассыптесь в прах, незыблевые стены! —

Душа изсохла. В сердце боль и горечь,
Народ кричит, вопит, рыдает, стонет,
В бессильной муке кулаки сжимая;
— Рассыптесь в прах, вы каменные стены!

Из шин, камней, из плоти и из крови
Мы воздвигаем молча баррикады.
Сегодня это только нам осталось:
Из нашей веры строить баррикады.
Что станет, брат, когда и это рухнет?

О, пусть Господь своим пресветлым Духом
Нам баррикаду ужаса построит,
А коль падем — рукою Лучезарной
Нам возведет бессмертья баррикаду!

ТИБОР ТОЛЛАШ

В темнице Ваца

Кайма звезды, горсть солнечных лучей —
Единый свет, что в жизни нам остался,
Мы в полдень ждем его, и в час ночной
В темнице нашей жадно дни за днями,
Но эти крохи отняты у нас
С тех пор, как окна нам забили жестью.

В мечтах я вижу светлой бухты блеск,
И смех толпы на берегу я слышу,
Беспечных лиц румянец и загар,
Везувий вижу в дымке серо-сизой.
Вам видно-ль их? Слепцы, мы в мрак глядим,
Ведь окна нам вокруг забили жестью!

Нас десять в камере готовых задохнуться . . .
Подобно рыбам, брошенным на сушу,
Глотаем воздух напряженной грудью,
Наш рот открыт, прерывисто дыханье,
И задушить готово нас зловонье,
А окна все забиты глухо жестью.

О, аромат сосновой покрытых Альп!
Восточный ветер свежий и студеный
Снегов прохладу ты душе несешь
И мне приветом кажешься чудесным,
А рядом друг мой от чахотки гаснет —
Его окно, как нам забили жестью!

Гвадалквикир... В нем золото садов...
Девичий голос томный и певучий,
Призыв гитары в вечера тиши
К любви, к мечтам и к пляске, полной неги,
А нас молчанье давит как свинец
С тех пор, как нам забили окна жестью!

О, синь небес! Тебя-б рукой коснуться!
А мнится мне из пальцев брызжет кровь,
Что нас в гробу живьем замуровали...
Клопы огнем нам ожигают кожу...
О, если-б мог поцеловать я солнце!
Но окна все забиты глухо жестью!

Когда-то губ росы касалась влага,
Теперь гортань сжимает сетью плесень.
Желудок стянут спазмой отвращенья
Перед зловонной и гнилой едой —
Но что-ж! Голодный даже гниль глотает!
А окна все вокруг забиты жестью!

Прогресс! Гуманность Право человека!
Несется к нам с певучих волн эфира,
А под бичем миллионы погибают
От Ваца стен и до морей востока,
И хор рабов в бессильной муке стонет:
— Ослепший мир! Опомнись! Берегись!
Окно последнее нам забивают жестью.

Венгерский студент
† в Будапеште 5 ноября 1956 г.

— Помочь хотите? Слишком поздно!
На землю пали мы, как рожь,
Как рожь, что скошена и сжата! —

ГАБОР КОЧИШ

Песнь Давида перед битвой с Голмафом

Имя Господне — мой камень в праще —
Против титана исчадия зла!
Темной лавиной за мною войска,
Огненный знак чертит молний рука,
В бой я со смертью иду!

Господа имя — мой камень в праще —
Слышиу насмешки друзей и врагов,
Но я победную песню пою,
Богу — Владыке слагаю хвалу —
Он мой единственный щит!

Имя Господне — мой камень в праще —
Точно струна в ней натянут ремень,
Лучший мой в жертву телец принесен,
Камня я сльшу летящего звон.
Мести приблизился час!

Смейся-ж хвастливый, палач-великан!
Неба сиянье меня охранит,
Камень твой череп звения раздробит.
Господа гнев справедлив!

ГЕОРГ ДЬЮЛА

Осенний карнавал

Вечер к земле утомленно приник,
Вечер на скрипке играет —
Осень! Ты празднуешь свой карнавал,
Листья танцуя мелькают.

Вечер

Пастух задремал под холмом...
Спит месяц на небе ночном...
Умолк говорун-бубенец
На шее усталых овец.

Одиночество

Гордой скалы недоступный гранит...
Мрачный корабль на просторе морском...
Белым огнем на утесе горит
Эдельвейс. —

ЯНОШ ХЭГЭДЮШ

Белые стихи

Мамочка! Ты, что давно умерла,
Снился сегодня чудесный мне сон,
Плакал я горько, а солнечный конь
Мчал меня в синюю даль.

Где-то средь снежных небесных равнин
Жалобно беленький птенчик кричал —
Мать свою-птицу он тщетно искал.
Я его птице вернул.

С взором, еще увлажненным слезой,
Птица спросила: — Куда так спешишь?
— Видишь? У ног Иисуса Христа
Мать моя молча сидит?

Выцвели очи от горечи слез,
Лик ее скорбен и сжаты уста,
Но, точно встарь, в своих хрупких руках
Держит вязанье она.

Бессмертие

(Вольная интерпретация М. Ш. Б.)

Два мертвых тела на земле...
Играет ветер их кудрями,
Вокруг их лиц в полночной мгле
Мерцает голубое пламя.

Тела мертвы — бессмертен дух —
Очищенный и примиренный,
Незримо носится вокруг
От уз земных освобожденный.

Он слышит мирный всплеск ручья,
Он видит близких звезд сиянье,
Он слышит трели соловья,
Вдыхает трав благоуханье.

Что на земле казалось тайной,
Прозрев, внезапно он постиг,
В освобожденья светлый миг,
Земное сбросив одеянье.

Два мертвых тела, но любовь
Что их друг другу подарила,
Сливая жертвенную кровь,
На веки их соединила.

Господь рукою всеблагой
Зажжет свечу над их могилой...
Скажи, о смерть, где твоя сила
Перед лицом любви святой?

А и ф и и

На мне водолаза одежды
Спускаюсь в глубины морей,
Оставил свой невод на суше
Что полон был слов и речей.

Плыву меж волшебных кораллов,
Подводной красой ослеплен,
И вижу средь гротов подводных
Сокровища древних времен.

В руках держу клад я чудесный:
Жемчужину — сердце морей!
— Воспой ее в пламенной песне!
В поэме восторг свой излей!

Но клад, что похищен у моря,
При солнечно-ярких лучах
При первом же слове на суше
О, горе! Рассыпался в прах!

ТИБОР ТОЛЛАШ

Паук в темнице

Одиночество! Ты словно цепкий паук
В паутину свою затянуло меня.
Ты в темнице моей мой единственный друг
И во мраке ночей и средь белого дня.

Я свободный, с тобой никогда не дружил,
И всегда, словно муху, тебя отгонял,
Но теперь, жалкий пленник, без воли и сил,
Сам, как муха, твою я жертвой стал.

Молчаливо плетутся понурые дни.
Ты одно неотступно и верно со мной —
Я тебе поверяю все мысли мои
И с тобою делаюсь своей горькой судьбой.

Так прилни-ж ко мне ближе — мне голод знаком!
Насыщайся! Коль хочешь, то кровь мою пей!
Заплачу я за дружбу и верность добром —
Будь смелее и силы моей не жалей!

Мозг сверлит и буравит тюремщика взгляд,
Бьюсь в железных тенетах немой от тоски,
И сознанье теряю... В душе моей ад...
А вокруг пауки... пауки... пауки...

Но живым не поддамся! Пусть рана в груди!
Яд сомненья и зла не отравят мне кровь,
Пстому что сквозь мрак вижу мрак впереди
Верю — мир обновят красота и любовь!

Трава меж камней

Сквозь извилины серых камней
Светит зелень проснувшихся трав.
Сердце узников бьется сильней:
— Это вестники буйных дубрав! —

Их безжалостно топчат ногой,
Мрачных стен на них падает тень
Но они воскресают с весной
Неизменно, как ночь и как день!

Наши пальцы подобно корням,
Будут камней тревожить покой,
И, подкравшись к тюремным стенам,
Их незримо точить под землей.

Странник! Если ты снова пройдешь
Через год тем же самым путем,
Над руинами стен ты найдешь
Нас горящих победным огнем!

«А»

Будапешт 1956 г.

1.

В желтом тумане угасло ноябрьское солнце,
Ужас полуденным сном задремал меж телами
[сраженных,
Город окутали сумерки, им овладев безраздельно,
Вспыхнув над танком разбитым последним злом
[вещим сияньем,
Тихо молились руины во мраке спустившейся
[ночи . . .

2.

Месяц — искатель теней
Выполз на лапках паучьих,
Впалым лицом приникая
К окнам домов — скелетов.
Видит он то, что незримо;
Сгустки крови почерневшей,
Страшные, вздутые раны,
А на устах влюбленных
Тени недавних лобзаний.

3.

Запахом крови Европа
взвуждена.
Комиссии собирает
всюду она.
Против и за голосует
Губы брезгливо сжав,
 А наш голос: бутылки с бензином
 В ползуций вражеский танк...

4.

Пока еще дышит боец —
Мир ждет затаив дыханье,
Пока он кричит и молчит —
Вокруг гробовое молчанье,
Пока еще тлеет в нем жизнь
Весь мир притворяется мертвым.

5.

Когда погибает боец
Начинает вдруг мир пробуждаться,
Когда он умолк навсегда,
Вокруг возмущенье и крики,
Дыханье бойца оборвалось —
А мир дышит бурно и гневно.
 На взоре стеклянно-застывшем
 Все взоры встречаются мира.

6.

Белые зимы Европы —
Нашей окрашены кровью,
Что из сердец наших льется
Лапой тирана зажатых.

7.

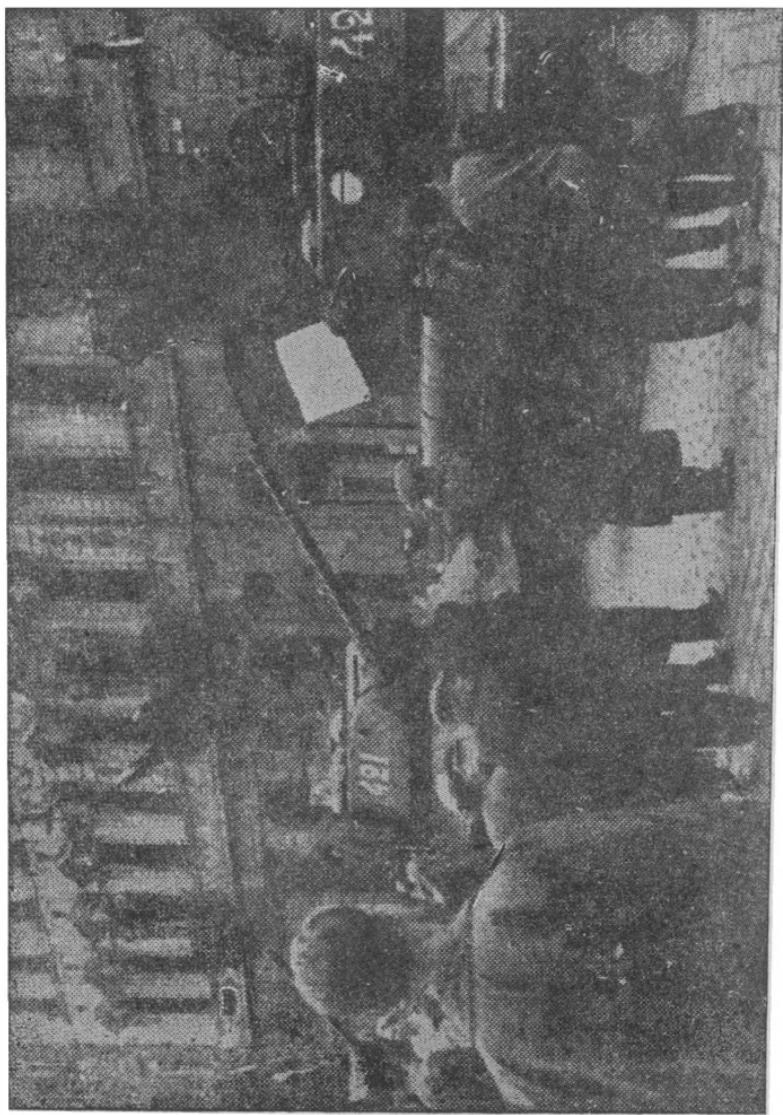
Тысячи тысяч на запад стремятся
В диком, завзятом молчанье.
Мертвую землю, небо пустое,
Землю кошмаров они покидают.
В сердце тоска ожиданья...

Новые звезды, новое небо
Радуга счастья, песни свободы —
Крылья надежды, отблески права —
А за спиной тяжкий шлагбаум
Тяжко упал — топором отрубил...
Смертью за жизнь здесь никто не заплатит!
Свобода! Свобода! Желанная цель!
А в сердце вопль муки: ЧУЖБИНА!...

8.

Не променяем сердце наше
На рабства гнет!
Надежды пуля не убьет.

И пусть ответ нам был — молчанье —
Пусть долгим будет ожиданье...
Рассвет придет!

Советские танки с венгерскими флагами на улицах Будапешта

ИЗРЕЧЕНИЕ САЛЬВАДОРА ДЕ МАДАРИАГА

Испанский писатель и мыслитель, Сальвадор де Мадариага, сказал следующее:

«Мы узнали, что многие советские солдаты перешли в ряды венгров и сражались на их стороне против советов. — Ничто не может больше заклеймить поведение Запада, как тот факт, что единственными иностранными добровольцами в рядах венгерских бойцов за свободу явились эти русские солдаты советской армии.»

М Е М Е Н Т О

Вместо венка на могилу неизвестного русского солдата *)

Тебя прислали из далеких степей России, и Ты повиновался. Кровь и смерть сопровождали, Тебя в пути. Позади остались разрушенные огнем деревни, и в памяти Твоей свежо воспоминание о Твоей избе, уничтоженной противником во время второй мировой войны. Но когда Ты увидел вокруг себя голодные лица, в сердце Твоем не было больше злобы и мести. Ты вспомнил свою обездоленную родину и ужин, состоявший из мерзлой картошки, украденной с колхозной земли. И ты сражался, уже разочаровавшись в красных лозунгах.

Прошло десять лет. Ты жил среди нас, венг-

*) Как известно, значительное количество солдат, находившихся в рядах оккупационных советских войск в Венгрии дезертировало из красной армии и, присоединившись к венгерским бойцам за свободу, сражалось плечо к плечу с ними против советов и против ненавистной тайной полиции А. В. Х. Поэтому советы должны были оттянуть эти войска и заменить их монгольскими частями, переброшенными из Центральной Азии.

ров, и когда Ты узнал ближе наш народ, сердце Твое смягчилось. Ты увидел тяжелую жизнь рабочих и крестьян; Ты убедился воочию в том, что власть, которой тебя заставляли служить, обманула волю народа и держится ненавистью, а не любовью, оружием, а не силой духа.

Ты окончательно понял это, когда в октябре 1956 г. молодой студент в Будапеште с венгерским знаменем в руках вскочил на Твой броневик.

Ты должен был бы открыть по нем огонь, но вместо этого Ты открыл люк танка и жестом, который показывал, что Ты понял все, помог студенту подняться наверх. Ты водрузил наш флаг на свой штык и поднял его высоко, как прекрасный символ свободы.

Ты почувствовал, что этот флаг превратится в знамя всех порабощенных народов, также и русского народа, и в Твоей радости понимания, Ты был взволнован так же, как и стоящий с Тобою вместе студент; и, наблюдая с вышки танка охваченную энтузиазмом толпу, глаза вас обоих наполнились слезами.

Так мы начали наступление на парламент. На большой площади, которая расстилается перед этим зданием, Тебя сразила пуля одного из приспешников А. В. Х. Твоя голова склонилась на грудь молодого студента, сестра милосердия пришла Тебе на помощь. На временном санитарном пункте Ты лежал между мадьярскими студентами и корейцем, — борцами за свободу. Ты попросил воды, улыбкой тех, кто готовится вступить на последний путь, но знает, что умирает не напрасно. Когда я Тебя поцеловал в лоб, Ты был уже мертв. Ты был нашим мерт-

вым героем, героем всех народов, которые борются за свободу.

Мы помним о Тебе и возвещаем всему миру, что Ты не напрасно умер.

Т. Т.

“VITAM ET SANGUINEM”

(«На советском танке перед парламентом». Сокращенный перевод из газеты *Uj Hungária* (Новая Венгрия), Мюнхен 7/VI 1957 г. Первая премия конкурса на тему «Сцены из освободительной борьбы в Венгрии»).

Третий день борьбы за свободу... Толпы народа на улицах... Старые друзья приветствуют друг друга... Все невольно задают себе тот же вопрос... — победим?...

На всех лицах улыбка — забытая и новая: улыбка свободы. Сейчас половина девятого. Я разговариваю с тремя друзьями. Народу прибывает... Нас уже больше трех тысяч. На каждом углу советские танки. Они кажутся мертвыми. Жерла пушек направлены в небо, но пулеметы — в толпу. На улице Кошути стоят восемь советских броневиков. Их экипажи находятся внутри; они не движутся, лица их мрачны. Молча смотрят они на толпу. Слышны крики «Далай Гэрэ», «Советы домой», «Где Имэр Надь?»

В этот момент на одном из броневиков движение: мальчик лет четырнадцати взбирается на-

верх, кто-то протягивает ему флаг, и он водружает его в жерло пушки. Крики становятся смелее. За эти четверть часа нас стало вдвое больше... Вдруг несколько юношей и девушек взбираются на броневик и стучат в такт каблуками приговаривая: «Выходите, мы вам ничего не сделаем». Но солдаты не движутся... Уже на всех машинах развеваются национальные венгерские флаги... Энтузиазм толпы нарастает. Вдруг приоткрывается люк первой машины и появляется сержант с посеревшим от пороха лицом. Его видно до пояса. Он щурится от света и недоверчиво озирается. Молодые люди, взобравшиеся на броневик, кричат: «Кто говорит по-русски?» Я выхожу вперед. Я четыре года провел в плену в России. Мне протягивают руку и помогают взобраться наверх. Просят: «Объясните ему, чтобы он не боялся, он может выйти; мы ему ничего плохого не сделаем». Перевожу все сержанту. Он кивает головой, но не отвечает. Когда он видит, что на него смотрят дружелюбно, он говорит «сейчас» и спускается вниз. Я громко перевожу его слова. Проходят две минуты. У всех замирает сердце. В этот момент мальчуган лет двенадцати взбирается на броневик; обхватывает дуло пулемета, поднимает его кверху своими рученками и не вышускает. «Не бойтесь, кричит он: они не могут стрелять — я здесь!» Как по команде в несколько секунд подняты все пулеметы.

Все больше народу окружает машины.

Вдруг открывается дверца башни и снова появляется сержант, за которым следуют солдаты. Шествие замыкает молодой лейтенант. Крики становятся оглушительными. Солдаты смущены и озадачены, но с большой радостью пожимают протянутые им руки... Слышны крики с дру-

гих броневиков. Смотрим и видим русских солдат, которые выходят из всех машин. Вдруг сержант швыряет свою фуражку с красной звездой на улицу и надевает венгерскую с национальной кокардой.

Толпа бурно торжествует. Между тем я начинаю разговаривать с лейтенантом командиром броневиков. «Почему вы здесь? Что вы хотите? Почему не уходите домой?» «Нам приказали поддерживать порядок и стрелять в фашистов — контрреволюционеров». Перевожу каждое его слово. Слышны негодящие крики: «Радио лжет и правительство тоже». Перевожу все лейтенанту. Минуту он молчат в размышлении и потом говорит: «Скажите им, прошу вас, чтобы они замолчали: я буду говорить».

Я должен кричать минуты 3—4 пока наконец воцаряется относительная тишина. Тогда поручик начинает говорить: «Нам сказали, что в Будапеште вспыхнула контрреволюция». Толпа негодует и шумит. Поручик поднимает руку и говорит: «Нам было сказано, что фашистские бандиты грабят и разоряют город». Новый взрыв негодования. С трудом удается мне заставить толпу замолчать. «Но я и мои солдаты — мы видим, что все это ложь и обман и не откроем огня». Взрыв оваций. Одна женщина поднимается на броневик и прикрепляет на грудь лейтенанта венгерскую кокарду. Люди плачут... Растроганный лейтенант просит слова: «Я не вижу здесь фашистов... это народ... рабочие... женщины... молодежь. Они имеют право жить, как им хочется».

Перевожу его слова, и люди обнимают уже спустившихся с броневика солдат. Лейтенант вынимает свой револьвер и дает его молодому вен-

тру. Тот смотрит нерешительно. Слышен крик: «Заберите оружие и у других». Другие кричат: «Оставьте их в покое... будем жить в мире с русскими... пусть они вернутся к своим семьям»...

Молодой венгр возвращает лейтенанту оружие, тот смотрит на него с удивлением. Не могу ничего перевести из-за криков и оваций. Из-за угла появляются все новые броневики, покрытые венгерскими флагами, на крышах которых стоят, обнажившись, русские и венгры. На всех русских солдатах венгерские кокарды и цветы. Начинают петь венгерский гимн... Русские солдаты становятся на вытяжку и все поют хорошо. Все глаза влажны от слез... все обнимают друг друга и слышны крики: «Не может быть... Бог услышал наши молитвы и помог нам...» Вдруг слышны крики: «Идем к парламенту; с броневиками... все вместе». Я перевожу русским. Лейтенант озабочен. Он в раздумья... видно, что в душе его происходит борьба между долгом солдата и человеческим чувством. Он говорит что-то своим подчиненным. Через несколько минут медленно начинают двигаться, колеса броневика... Снова крики и овации. Каждый хочет взобраться наверх... Мои друзья уже со мной. Я оборачиваюсь и вижу, что броневики следуют за нами сомкнутым строем. Мы не продвинулись и 60 метров, как вдруг, завывая сиреной, появляется автомобиль тайной полиции. Внутри трое ищек А. В. Х. При виде толпы с солдатами и броневиками они поворачивают машины и обращаются в бегство. Молодые венгры с криками пытаются их догнать, но безуспешно. Нам навстречу попадаются другие броневики. Мы

им кричим: «Идите с нами к парламенту». Нам отвечают — «Идем».

Когда мы выходим на площадь перед парламентом, глазам нашим открывается величественная картина: все заполнено народом, танками и броневиками, украшенными венгерскими флагами... Мы против гостиницы «Астория»... На балконе появляется человек и исчезает. Слышины крики: «Долой Героэ»... «да здравствует Надь!...» На балконе уже развевается венгерский национальный флаг... Снова мы поем наш национальный гимн.

Мы разговариваем с русскими офицерами, как вдруг раздается адский шум стрельбы: это с крыши парламента А. В. Х. обстреливает народ... крики и стоны «Помогите... умираю... мой сын... мой муж... мы никому не сделали зла...» Прибывает карета скорой помощи и по ней тоже А. В. Х. открывает огонь — пальбу.

Но вот мы видим как на крыше парламента взрываются снаряды, которые сметают пулеметы тайной полиции: это русские броневики открыли ответный огонь...

Будапешт 1956 г. После этих событий русские оккупационные части были заменены азиатскими карательными отрядами. Нетрудно представить себе трагическую участь, постигшую героических русских солдат, которые сражались за свободу плечо к плечу с венграми.

К И Е В

Существует предание, что во времена апостолов Св. Андрей Первозванный, проповедуя христианство, дошел до Киева и, водрузив там крест, предсказал этому городу великое будущее.

И действительно, город, возникший на месте, указанном апостолом, стал первой столицей русской земли и колыбелью православия, с большим количеством церквей и чудесной Киево-Печерской Лаврой. Красивое местоположение Киева и его культурное и промышленное значение сделали его одним из крупных государственных центров.

Когда над страной разразилась революционная буря и лучшие сыны родины стали собираться на юге для борьбы с богооборческой властью, Киев стал одним из центров белого освободительного движения.

И теперь, когда в порабощенной советами Венгрии вспыхнула революция, отвечая на призыв мадьярских борцов за свободу, поднялся и Киев, о чем свидетельствует побывавший там в октябре 1956 г. венгр.

Восстание это не было первым. Не впервые поднимался народ против своих поработителей. После основания Белой армии нам известны за время с 1921 по 1933 г. до сорока восстаний против советской власти в различных местах Европейской и Азиатской России. А с 1950 по 1955 г.

вспыхивали восстания и забастовки в исправительных концлагерях: Воркуте, Норильске и Селигарде, где измученными и истощенными людьми был проявлен неповторяемый геройзм.

Тот же порыв к свободе вспыхнул снова от искры, переброшенной восстанием в Будапеште.

Один из участников венгерского восстания был послан с поручением в Советский Союз. Там вошел он в соприкосновение с народом настроенным совершенно против советской власти. Он узнал, что студенты Московского Университета, не боясь наказания, во всеуслышание высказали свою солидарность с 16-тью пунктами венгерских бойцов за свободу; что в больших промышленных центрах страны, рабочие союзы присоединились к этому протесту, в то время как на севере Карпат антикоммунистические повстанцы сражались против азиатских усмирительных частей; напечатанные венграми листовки, при помощи жел.-дорожных служащих, сотнями тысяч были распространены среди народа, не только в пограничных областях, но и в глубине страны.

Очень мало кому известно, что пушки карательных частей гремели в Киеве даже больше, чем в Будапеште, и только из-за недостатка оружия и воинских припасов восстание это не охватило всю страну и было подавлено. Повстанцы ждали помощи и боевых снаряжений (припасов, оружия) от венгров, которым самим этого не хватало. Остановив поезд, везший через Киев заключенных венгров, восставшие освободили всех, находившихся в его 50-ти вагонах, и рискуя собственной жизнью, помогли им выбраться на свободу.

Многие из спасенных находятся теперь в Вене и могут свидетельствовать об этом подвиге

истинно русских людей, которые также приняли участие в борьбе за свободу, доказав этим свою полную непримиримость к насильственной советской власти.

Н. Сафьяно,

КАРАТЕЛЬНЫЙ ОТРЯД

Это было 1 ноября 1956 огда. Советская власть направила карательные отряды для усмирения венгерского народа, восставшего для освобождения своей порабощенной родины.

Уже неделю идет борьба, и странное дело — великолепно экипированная советская оккупационная армия не может справиться с плохо вооруженным народом. Что-же происходит?

Происходит то, что русские офицеры и солдаты этой армии, срывая с себя красные звезды, сотнями, тысячами переходят на сторону восставших, передают им оружие, танки, броневики и сражаются вместе с ними.

Этого советская власть допустить, конечно, не может. Виновные понесут заслуженное возмездие, их ждет не меньшая кара, чем взбунтовавшихся венгров. Уже семьи дезертиров схвачены и направлены в ссылку. Теперь очередь за бунтарями.

И вот на место военных действий направляются десятки броневых дивизий; по большей части, это монголы, переброшенные из Центральной Азии, но есть и русские части.

Командир одного из отрядов танков, молодой лейтенант, во главе своей части медленно въезжает в промышленный центр Мишкольц. Ему

было сказано, что его посылают в Суэц, на усмирение фашистов и контр-революционеров, которые безобразничают и бунтуют.

Машина выезжает на главную улицу города, и глазам молодого и мало искушенного в жизни лейтенанта представляется совершенно невероятная картина: толпы юношей, девушек, женщин и детей с трехцветными — красно-бело-желтыми флагами, кокардами и розетками занимают улицу. Они что-то кричат на непонятном ему языке, стараются объяснить, жестикулируют и, наконец, видя, что машина продолжает на них надвигаться, бросаются на мостовую и рядами ложатся на ней.

Резким криком молодой лейтенант дает приказ затормозить броневик. Толпа замирает. Все глаза устремлены на него. Он открывает дверцу башни и сходит на землю. Его моментально окружают. Он видит худых, бедно одетых людей с горящими энтузиазмом глазами. Юноша, знавший несколько слов по-русски, пытается ему объяснить, что они не враги русских, что они венгры — и только хотят свободно жить. Молодая девушка разрывает платье на груди и показывает сердце, куда он должен стрелять, так как без свободы жизнь ей не нужна.

Револьвер дрожит в руках лейтенанта, он чувствует сердцем больше, чем понимает сказанное, что эти люди — не враги, не фашисты и не контр-революционеры. Взгляд его устремляется в даль, где на горизонте синей лентой вьется Дунай. С горькой усмешкой думает он, что это синяя полоса воды — вряд ли Суэцкий канал.

Ослепительно и внезапно приходит прозрение. Все, что с колыбели, в яслях, в школе и в училищах ему вбивалось в голову, все лживые ло-

зунги, все никогда не исполнявшиеся посулы лучшей жизни, весь обман и вся низость советской системы предстают вдруг перед ним в истинном свете.

Да, но эта советская лживая и негодная власть управляет его родиной — Россией — которая ему дороже всего на свете, где оставил он свою старую мать, крестившую его на дорогу, и молодую ожидающую ребенка жену. Если он изменит советской власти — они все погибнут.

Все это вихрем проносится в голове лейтенанта, и он снова обращает взор на толпу. И вдруг он в каждой старой женщине видит свою мать, и каждая молодая девушка напоминает ему оставленную дома жену.

Никакая сила не может его заставить дать приказ стрелять в этих людей или пустить в ход броневик по лежавшим на улице девушкам и юношам.

Револьвер, который он держит в своей руке, кажется ему невероятной тяжестью, он оттягивает ему руку, он мешает ему, он ставит перед ним неразрешимый вопрос.

Еще минута колебания. Кругом молчание, выжидание и полные надежды взгляды людей.

И лейтенант решается: твердой рукой поднимает револьвер, приставляет его к своему виску и опускает курок.

В полной тишине раздается выстрел: все вопросы теперь разрешены. Он не изменил своей родине, он не нарушил присяги и не преступил законов человечности. Старая мать и молодая жена и ребенок, который скоро появится на свет, смогут им гордиться.

Ирина Астрау

ОБРАЩЕНИЕ МОСКОВСКОГО СТУДЕНТА

Это обращение, записанное на магнитической ленте, проникло через железный занавес при помощи одного из западных участников «Съезда молодежи всего мира», который состоялся в Москве несколько месяцев тому назад. Оригинал этого обращения хранится в редакции газеты «Нью-Йорк Херальд Трибьюн» и текст его был передан во время русского часа по радио «Свободная Европа» в Мюнхене.

Автор обращения — слушатель истории литературы Московского университета, и по его мнению «теперешнее положение вещей не сможет долго продолжаться в Советском Союзе».

Он уверен, что «близок день, когда народ дойдет до того, что не только будет думать, разговаривать и шептаться в темноте ночи, но и начнет действовать».

Студент считает «Всемирный Съезд молодежи» большим позором, ибо целью его было обмануть иностранцев насчет истинного положения вещей в Советском Союзе.

О себе лично он сказал следующее:

«Если бы я захотел обеспечить себе спокойную жизнь, я должен был бы вступить в коммунистическую партию... Должен был бы принимать деятельное участие в общественной жизни, иными словами, шпионить за другими и указывать им на неправильности их поступков».

По поводу советских граждан он высказался так:

«Вы замечаете, как народ толпится вокруг каждого иностранца. На них смотрят, как на обитателей других планет, ибо жители Москвы никогда еще не видели столько иностранцев и не могли свободно говорить с ними... Сравнивая то, что они слышат от иностранцев, с собственными условиями жизни, они начинают ясно сознавать, что преимущество не на стороне социалистической системы и тем менее советского строя».

«Я — рядовой студент» — говорится в обращении — «нормальный человек с обычными запросами и потребностями. Но мой взгляд на вещи не может измениться пока моя страна и мой народ живут в таких тяжелых условиях, как теперь, и пока они не ссвободятся от тирании».

Примечание и дополнение к «Обращению московского студента»

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ГАЗЕТЫ “Uj Hungária” 3. I. 1958 г. 2 стр.:

«АРЕСТЫ МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ В СВЯЗИ С ВЕНГЕРСКИМ ВОССТАНИЕМ»

По сведениям корреспондента норвежского Бюро Печати «N. T. B», находившегося в октябре 1956 г. в Москве и присутствовавшего на студенческих собраниях, там открыто высказывалась солидарность с 16-тью пунктами венгерских бойцов за свободу. После жестокого подавления освободительного движения 4 ноября 1956 г. сту-

денты на открытых собраниях шумно высказывали свое негодование. В результате, все, выступавшие с речами, были схвачены М. Г. Б. По сведениям норвежского корреспондента еще по крайней мере 50 человек находятся в тюрьме под судом. Главари были осуждены на 10 и 5 лет исправительных работ в концентрационных лагерях.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ГАЗЕТЫ “Délamerikai Magyar Hirlap” Сан Пауло 16. 6. 1957 г.

... Совет рабочих города Мишкольц созвал экстренное совещание. Был поднят вопрос, как поступать с советскими оккупационными частями. Было около 3 часов утра. Прения были в полном разгаре, как вдруг появилась делегация советских офицеров.

Офицеры сказали, что они — русские, друзья венгерских патриотов, и не поднимут оружия против них... «Мы знаем, за что вы боретесь, и мы не будем вам в этом препятствовать».

Гром аплодисментов покрыл эти слова. Многие из нас уселись в автомобили и направились в советский лагерь. Начальство и солдаты сложили перед нами оружие, опустошили свои склады и снабдили этим лучших людей национальной гвардии.

Эти советские военные были истинно русскими людьми. Они сдержали свое слово. Офицеры несли службу на часах, следя за тем, чтобы советские войска не вошли в город. Все городские здания охранялись национальной гвардией.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ТОЙ ЖЕ ГАЗЕТЫ ОТ АВГУСТА 1957 г.

5 Ноября у пределов Мишкольца появились карательные отряды, состоявшие из монгольских частей.

Линия обороны, защищавшаяся венгерскими и русскими борцами за свободу, была прорвана атакой советских броневиков.

На следующий день советские карательные отряды заняли город, направив тяжесть удара на пехотные казармы, где сосредоточились венгерские патриоты и присоединившиеся к ним русские солдаты. После ожесточенных боев, борцы за свободу были обезоружены. Все русские офицеры были расстреляны перед строем.

Оставшиеся в живых три тысячи русских солдат погружены в товарные вагоны, которые были запечатаны и отправлены потом в Сибирь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идея выпустить этот сборник принадлежит двум лицам — русскому и венгру, и им удалось достать обширный материал и привлечь к работе своих соотечественников.

Много глубоких различий существует между этими народами, но настало время искать то, что нас объединяет, а не то, что нас разъединяет, если мы не хотим уничтожения всех ценностей. И тогда не трудно найти общий язык, ибо обоми сотрудниками руководит то же чувство: любовь к своей страждущей родине, порабощенной той же богооборческой властью.

Мы не будем говорить о политических и географических отношениях, из-за которых эти две страны часто враждовали, но о взаимном понимании, которое рождало рыцарские, благородные поступки.

Мы, венгры, хотим поделиться со всеми русскими, сохранившими в изгнании священный пламень любви к родине, и с теми, кто под тяжким бременем советской власти горит тем же огнем, идеалами венгерской борьбы за свободу 1956 г. и ее отражением в русском народе.

Идеалы эти выявились прежде всего в литературе, и за поэтами и писателями последовал весь народ, видевший в их произведениях отражение своих стремлений.

И теперь, в изгнанье, эти поэты, с оружием в руках боровшиеся за свободу Венгрии, продолжают идеологически эту борьбу и ищут общий язык для русско-венгерских взаимоотношений.

Возвратимся к далекому прошлому, к эпохе восстания 1849 г. когда русский император, выполняя требования Священного Союза, послал

свои войска на помощь австрийцам. После трехмесячной борьбы командующий венгерскими войсками сдался не австрийцам, а русским. Подписанное перемирие обеспечивало венгерским военным личную безопасность. Когда, впоследствии, австрийские власти казнили 13 венгерских генералов и арестовали множество офицеров, русский командующий войсками, генерал Рюдигер хотел подать в отставку. Сам Царь лично вступился за венгров, но его вмешательство и даже поездка Цесаревича не подействовали на решение австрийского императора.

Мы, — венгры изучили все эти факты и никогда не забудем рыцарского благородного поведения русских военных.

В начале большевизма русские были первыми, кто начал борьбу с этим злом. Я говорю о героической борьбе Белых Армий, которые в течение трех лет боролись против красного террора, без всякой поддержки извне так же, как и венгры в октябре 1956 года.

Судьба обоих народов очень схожа: оба они страдали под безбожной коммунистической властью З-го интернационала, чуждого как Венгрии, так и России. Большая ошибка отождествлять СССР и Россию. Красные вожди Советского Союза в подавляющем большинстве своем не русского происхождения, как, например, долголетний диктатор СССР Сталин — грузин Джугашвили. То же происходит и в Венгрии, не говоря уже о том, что система эта по своему духу и существу чужда обоим народам.

Большевицкий режим в России обошелся стране больше 60 миллионов людских жизней, уничтоженных разными способами — расстрелы, пытки, ссылки, концлагеря. Советская власть не

проявляла никакого сожаления к этому благородному, глубоко религиозному народу. Да, религиозному, несмотря на безбожную пропаганду, преследования Церкви и всех верующих и беспощадные казни.

Пишуший эти строки был в России во время второй мировой войны и воочию убедился, как сильна в русском народе вера, и даже у тех, которые были вовсе лишены религии, она проявляется в добрых и милосердных поступках.

В 1956 г. тысячи русских военных оккупационной армии сражались на стороне венгров, твердо зная участь, которая постигнет не только их, но и оставленные ими на родине семьи. Сражались за свободу, из чувства справедливости к незаслуженно караемым венграм, из любви к ближнему, благородства и храбрости.

Мы — венгры, никогда не забудем того, что вместе с нами боролись за свободу сыны одного только другого народа — русские, и что в короткий период победы восставших правительством Имре Надь был издан декрет, даровавший все права и венгерское подданство этим русским бойцам и их семьям.

Мы всегда будем это помнить во время нашего трудного, длинного и скорбного пути к лучшему будущему, когда над нашими страждущими родинами воссияет звезда Вифлеема вместо красной звезды зла. И мы хорошо знаем, что гордость русского народа не Спутник, а Вера Христова, глубоко спрятанная на дне сердца.

Будем же надеяться, что в свете звезды Вифлеема, забыв политические мелкие разногласия и расхождения, мы сможем протянуть руку нашим русским братьям, потому что в этом единственное спасение мира.

Т. Надьбарцаи.

Este libro se terminó de imprimir en los
Talleres Gráficos "Salguero" de Renaci-
miento Cristiano SRL., calle Jerónimo
Salguero 1506, de la Ciudad de Buenos
Aires, el día 31 de mayo del año 1958.